

Об оценке роли СМИ как политического и общественного института в научных текстах

С.Г. Кара-Мурза

Постсоветская российская политология и обществоведение сложились как «сравнительные», они приняли понятия и логику западного обществоведения, явно или скрыто соотнося российскую реальность с описаниями западных политических и общественных институтов. Основные труды западных ученых и написанные ими учебники берут за «чистую модель» общества и государства равновесное, стабильное состояние этих систем. Наши современные ученые и авторы учебников в основном повторяют эти модели. Но уже в 1990-е гг. эти западные институты стали совершенно иными — с чем же обществоведы сравнивали нашу реальность?

Более того, уже в 1970-е гг. западные представления, принятые у нас как методологическая основа, были подвергнуты критике на самом Западе. Один из ведущих политологов США Дж. Сартори писал в программной статье (1970): «Политическая наука как таковая в значительной мере страдает методологическим невежеством. Чем дальше мы продвигаемся технически, тем обширнее оказывается неизведанная территория, остающаяся за нашей спиной. И больше всего удручает тот факт, что политологи (за некоторыми исключениями) чрезвычайно плохо обучены логике — притом элементарной»¹.

Причины типичных ошибок в политологических (шире, обществоведческих) учебных текстах — дипломные работы и диссертации — в основном заключаются в изъянах всей когнитивной структуры этой сферы знания. Это наша общенациональная проблема.

Осторожно приступим к этой проблеме со стороны сравнительно простого и не слишком конфликтного раздела — описания и представления СМИ как политического и общественного института. Поскольку мы не имеем целью критиковать конкретных авторов, мы не называем их имен и не даем ссылок на авторские работы. Методология — проблема сообщества, а не личностная.

Первое общее утверждение, задающее тон рассуждениям, таково:

1. *Исходная и господствующая посылка политологии в представлении СМИ ошибочна.* Эта посылка постулирует, обычно без всяких оснований, что быст-

¹ Сартори Дж. Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. 2003. № 3.

рое развитие *средств массовой информации* само по себе является механизмом демократизации, и что это — особенность современного процесса в политике.

Вот типичное суждение в дипломной работе политолога, включенное им в число «основных положений, выносимых на защиту»: «Современный политический процесс обладает рядом особенностей, наиболее значимые из которых можно представить в качестве трех основных тенденций: демократизации, медиатизации и деидеологизации. Происходящие изменения приводят к перераспределению технологических усилий между государственным идеологическим аппаратом и новыми формами манипуляции, такими, как брендинг, агрессивный PR и технологии “мягкой силы”».

Уже здесь наблюдается когнитивный диссонанс: появление новых *технологий манипуляции* названы демократизацией. Манипуляция всегда считалась *недемократическим* средством господства. Ее принцип — отношение к человеку как *к вещи*.

В начале первой главы этой дипломной работы сказано: «Безусловно, немаловажной с точки зрения современного политического процесса является **тенденция к демократизации** большинства развитых государств, в том числе и России. ... В этих государствах гарантированы права граждан, судебные органы независимы от властных, действует система разделения властей, проводятся референдумы, реально действует политическая оппозиция. В таких странах отсутствует ведущая идеология и главенство одной партии, а в экономике складывается свободный и конкурентный рынок, с присущим ему многообразием форм собственности. Ввиду свойственной для демократии свободе слова, отсутствует и тотальный контроль средств массовой информации и коммуникации».

Это шедевр политкорректности в отношении «большинства развитых государств». Но за этим видно пренебрежение к фундаментальным понятиям. Авторы таких текстов не дают своего определения главному предмету исследования и не приводят определения из словаря или энциклопедии, которым они следуют. Тривиальное определение демократии как «власти народа» смысла не имеет, уже Аристотель считал, что под демократией легко кроется власть «черни» (*охлократия*) под руководством демагогов.

Между тем, до сих пор не выработано общепринятых представлений и единого определения понятия «демократия», а значит, автор текстов типа дипломных работ обязан дать свое рабочее определение. Считается, что в политическом языке нет другого такого слова, смысл которого имел бы столько вариаций, как у «демократии». Неопределенность видна уже в том, что конкретные формы демократии обозначаются условными эпитетами: «либеральная», «народная», «западная», «республиканская», «социалистическая» и др. Между тем, это слово — оружие идеологических войн. Государство, которое удастся представить в мировых СМИ как «недемократическое», оказывается вне закона (если только не обладает ядерным оружием)².

² Ф. Фукуяма говорил, поучая Россию (2004): «Мы хотим не просто *демократии большинства*, а *либеральной демократии*. Именно поэтому Запад должен поддержать демократические группы в России».

Поразительно, что наши политологи начала XXI в. замалчивают известное предупреждение М. Вебера, данное российским либералам начала XX в. Он писал в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, ... избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

В другой дипломной работе сказано: «В 90-е гг. XX в. известный политолог Р. Даль писал о том, что телекоммуникационные технологии выполняют немалую роль в развитии демократического общества, в котором мнение и интересы народа будут способны влиять на процесс принятия политических решений. Американский социолог А. Этциони сформулировал модель “теледемократии”, как возможности достижения общественного блага с помощью новых коммуникативных технологий».

Эти утверждения явно противоречат реальности. Дипломник с ними согласен? Это его право, но тогда он обязан сопроводить такие цитаты собственными комментариями. Ведь многие авторы, включая «известных политологов», занимаются не анализом, а идеологической пропагандой. Но в данном случае автор должен был еще разрешить следующее противоречие. Р. Даль выделяет в числе критериев демократии такие:

- основанное на информации *понимание существа стоящих проблем* (при равном доступе к информации);
- эффективное участие в процессе принятия решений на всех его этапах;
- действенный контроль за выработкой повестки дня.

Очевидно, что при «теледемократии» (ее еще называют «демократией шума») эти критерии Р. Даля не выполняются. В большом эксперименте Би-Би-Си было показано, что истинное и ложное сообщение, переданное телевидением, практически неразличимы для публики (правду *сознательно* различили только 3,6% аудитории).

Более того, в современном информационном обществе происходит быстрая деградация структур демократии — это едва ли не главная тема либеральной политической философии. СМИ превращают любую реальную проблему в модель и делают это не с целью познания, а с целью манипуляции сознанием. Способность упрощать сложное явление, изобретая простые причинно-следственные связи, в большой мере определяет успех внушения. Мощное средство СМИ — *редукционизм*, сведение объекта к максимально простой системе. Заказчик формулирует задачу («тему»), затем производится ее «проблематизация», а затем редукционизм — конструирование модели и создание комплекса простых штампов, лозунгов, афоризмов или изображений. Как пишет специалист по телевидению, «эта тенденция к редукционизму должна рассматриваться как угроза миру и самой демократии. Она упрощает манипуляцию сознанием. Политические альтернативы формулируются на языке, заданном пропагандой».

Как можно увидеть в этом *демократизацию*?

А разве не очевидно, что в постсоветской России, прекрасно оснащенной телекоммуникационными технологиями, «основанное на информации *понимание существа стоящих проблем*» не возникает, причем вовсе не по вине власти —

общие социокультурные условия оказывают на массовое сознание несравненно более мощное воздействие, чем телевидение и Интернет!

В важной статье Р.Х. Симоняна (2012 г.) сказано так: «Решение задачи по индоктринированию массового сознания, как показывает практика, в условиях атомизированного общества, усталого и безразличного населения и отсутствия сколько-нибудь серьезной оппозиции для нынешней авторитарной власти, не представляет каких-либо трудностей. Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России»³.

Ну как можно писать все эти дипломные работы и диссертации, ни словом не обмолвившись об этих фундаментальных факторах!

Вот еще странное утверждение в политологическом тексте: «Современные политологи акцентируют внимание на том, что в постиндустриальном обществе важнейшей в управлении обществом является власть информации, а не власть денег и силы».

Это совершенно неправдоподобное утверждение, противоречащее наглядной и повседневной реальности. Страны, объявившие себя постиндустриальными, драматически обнаруживают, что под слабым прикрытием СМИ они именно используют «власть денег и силы». Неужели кризисы и войны, которые мы наблюдаем, нас не вразумляют, хотя они уже все большее отзываются и на нашей шкуре? Ведь нам уже тридцать лет объясняют, что теперь и нас самих, и телевидение с прессой ведет «невидимая рука рынка»!

Более того, еще доходчивее объяснил дело Т. Фридман, советник Мадлен Олбрайт: «Невидимая рука рынка никогда не окажет своего влияния в отсутствие невидимого кулака. МакДональдс не может быть прибыльным без МакДоннел Дугласа, производящего F-15. Невидимый кулак, который обеспечивает надежность мировой системы благодаря технологии Силиконовой долины, называется наземные, морские и воздушные Вооруженные силы, а также Корпус морской пехоты США».

Но наши «современные политологи» как будто расщеплены и живут в двух параллельных мирах.

2. *Типичная ошибка: авторы гипостазировать СМИ как дееспособную сущность, игнорируя системный контекст.* Это — дефект множества текстов. О СМИ говорят, как об отдельном автономном агенте (*големе*) — без предварительного, пусть грубого, описания всей системы, элементом которой они являются. Сама структура СМИ, их движущие силы и отношения с другими институтами общества и государства представляются в ложном свете.

Вот диплом о СМИ как «инструменте формирования общественного сознания». Его описанию присуще преувеличение влияния СМИ на общество. Они выглядят не как *инструмент*, которым пользуются те или иные политические

³ Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012. № 1.

и общественные силы, а как самостоятельная сверхъестественная сила с присущей ей мессианской ролью.

Вот как уверенно говорится о магической силе современных СМИ: «На современном этапе политическая жизнь общества опосредована массовой коммуникацией и открыта в максимальной степени, что невозможно было себе представить еще несколько десятков лет назад».

Где и каким образом «политическая жизнь общества» оказалась «открыта в максимальной степени»? Каковы показатели и критерии для такого утверждения? Последние три десятилетия обнаружили закрытость и одновременно незащищенность информационного общества. С. Жижек сказал по этому поводу: «Ощущение того, что мы живем в изолированном, искусственном мире вызывает к жизни представление, что некий зловещий агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне».

В другой дипломной работе сделано такое утверждение: «С конца XX — начала XXI века влияние власти и влияние на власть все более измеряются возможностью укреплять свой образ посредством новых медиа». Это утверждение странно и неправдоподобно, обосновать его какой-то мерой невозможно. Каких-то логических доводов не приведено. Неужели кто-то поверит, что образы Горбачева, Ельцина и Путина были созданы «посредством новых медиа»?

Вот еще заявление: «Роль социальных сетей и СМИ в целом особенно значительна в кризисные для общества и государства этапы, в связи с тем, что благодаря их деятельности можно повлиять на политическое сознание, на ценностные ориентиры».

Для такого утверждения нет ни эмпирических, ни логических доводов. Как правило, кризисы как раз разделяют общество на группы с разными ценностными ориентирами, на которые трудно повлиять.

Вот еще работа, посвященная роли информации (в частности, PR-технологий). Автор преувеличивает ее роль в политическом процессе, делает на этот счет много очень сильных утверждений, не аргументируя их и не показывая место информационных технологий в системе всех главных факторов. В тексте сказано, например: «Можно констатировать, что сегодня PR представляет собой не столько особую функцию, сколько современную философию организационного управления. Это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности».

Этим банальностям о «взаимопонимании, основанном на правде и полной информированности», не имеющим никакого отношения к реальности, придается статус «научного определения». О конфликте с Грузией в 2008 г. говорится: «Коммуникационные PR-технологии США, Британии, Италии, Испании и др. — помогли существенно скорректировать политические результаты конфликта в сторону грузинской позиции».

Что это значит? Куда сдвинулись «политические результаты» России под давлением PR-технологии Испании?

Вот еще определение: «СМИ являются одним из институтов гражданского общества, где главным является факт интеграции общества».

Причем здесь «гражданское общество»? Разве в тоталитарном обществе нет института СМИ? И, вопреки логике и опыту, как раз в гражданском обществе

главным является факт не интеграции, а *плюрализма*. Даже в популярном учебнике политологии приведено утверждение Гегеля, что гражданское общество «напоминает поле боя, где сталкиваются частные интересы, причем чрезмерное развитие одних элементов гражданского общества может привести к подавлению других его элементов».

3. Часто авторы доверяют плохо изученному ими источнику и не подвергают его утверждения проверке с помощью альтернативных надежных источников. Нередко при написании текста ссылаются на суждение незнакомого автора, если его суждение как-то подтверждает желанные выводы. Здесь можно попасть в ловушку, если не знать контекста, в который включено это суждение. Особенно осторожно надо обращаться с источниками в нынешней политике и политологии России, тем более с источниками времен перестройки и 1990-х гг. Эти источники слишком идеологизированы, они малодоступны в оригинале, их трудно проверить, и они в большинстве своем уже забыты.

Так, в дипломной работе политолога на тему о роли СМИ, сказано: «По мнению профессора Б. Соколова: “российско-грузинская война при своей внешней молниеносности и успешности для России, скорее всего, в долгосрочной перспективе является военно-политическим и дипломатическим поражением Москвы”».

Разве профессор Б. Соколов заведомо прав? Где его аргументы для вывода о «военно-политическом и дипломатическом поражении Москвы»? На чем стоит авторитет этого профессора, «самого неутомимого “профессионального” фальсификатора»? Он, обозреватель «Известий», в годовщину битвы на Курской дуге 12 июля 2000 г. напечатал такой текст: «12 июля 1943 г. у деревни Прохоровка произошло крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны... 850 советским танкам противостояло 273 немецких. Безвозвратные потери вермахта составили 5 танков, а Красной армии — 334 танка. ... Впоследствии Прохоровка была объявлена грандиозной советской победой, сорвавшей немецкое наступление на Курск с юга. Ныне на Прохоровском поле стоит памятник в честь мнимой победы советского оружия».

Союз ветеранов подал на «историка» в суд. Иск не приняли, хотя истцы привели виднейших военных экспертов, историков и участников битвы, представили подробные документы с картами боя, включая германские источники, труд германского военного историка генерала вермахта Б. Мюллера-Гиллебранда, воспоминания о битве под Прохоровкой начальника Генштаба вермахта и главного специалиста по танковым войскам Гудериана, публикации историков США.

Такова свобода слова профессора Б. Соколова, но выпускник факультета политологии должен знать, на кого он ссылается в поддержку своих тезисов. И уж во всяком случае, привлекая в союзники авторов типа Б. Соколова, он должен изложить свои собственные аргументы.

Здесь же высказано многозначительное суждение о пропаганде: «Специалисты понимают под “пропагандой” совокупность манипулятивных технологий, как правило, на основе лживых посылок. Пропаганда обращается не к сознанию личности, а к подсознательному в человеке — к его предрассудкам, страхам, инстинктам».

Откуда это взялось, из каких словарей и энциклопедий? Кто эти «специалисты», которые понимают под «пропагандой» такие странные вещи? Какие лживые послышки, страхи и инстинкты использует лектор, пропагандирующий модель мироздания Коперника? Дипломник-политолог безответственно опирается на чужие безответственные суждения.

В другой дипломной работе, тоже о роли СМИ, сказано: «Многие исследователи (например, Герберт Маркузе, Герберт Шиллер, Карл Дойч и другие) вообще считают, что политические коммуникации играют ключевую роль в обеспечении стабильности современного общества».

Неужели политолог сам верит в то, что пишет? Эти «многие исследователи и другие» говорят такие вещи для красного словца — нельзя же это принимать всерьез. Что мы видели и видим в современном обществе Ливии, Египта, Сирии или сегодня Украины? Здесь видна «ключевая роль политических коммуникаций в подрыве стабильности»! Зачем вставлять в дипломную работу такие неправдоподобные суждения? Вообще, коммуникации — всего один из множества инструментов политического действия. Любой инструмент, как молоток, может что-то укреплять или разрушать, это зависит от цели его хозяина (иногда от его умения пользоваться инструментом). Но нельзя же вырывать один элемент из целой системы и приписывать ему «ключевую роль».

В третьем тексте на аналогичную тему автор пишет: «Профессор N* отмечает: “Информация, как никогда, стала инструментом власти. Когда была обнаружена восприимчивость человеческой психики к внушению, информация в форме пропаганды и агитации стала главным рычагом управления людьми. Постепенно она заменила собой грубую силу и насилие, которые долгое время считались единственными орудиями управления”».

В научных и образовательных текстах не следует ссылаться на сомнительную цитату без объяснения, почему автор в нее поверил. Ведь очевидно, что информация вовсе не «заменила собой грубую силу и насилие», и к тому же эти средства никогда не «считались единственными орудиями управления» даже у самых страшных тиранов. Утверждение уважаемого профессора N* — художественная гипербола, нельзя ее принимать всерьез.

Там же следует еще такой пассаж: «Дебрэ ввел в актуальный политический лексикон понятие “медиакратии”».

Но Реже Дебрэ много разных словечек вводил в лексикон — а зачем его словечки в этой дипломной работе? Он — большой авторитет для российской политологии? Вообще, что о нем знают наши преподаватели и студенты? В каком смысле он употребил это словечко? Ведь даже в заглавии его статейки величиной в одну страницу, на которую сослался дипломник, сказано: «Медиакратия — власть посредственности». Но это совсем не вяжется с пафосом всей дипломной работы, и если уж опираться на авторитет Дебрэ, то надо было обсудить этот казус, дать свое суждение о «власти посредственности».

Иногда данные даже из солидного источника *неправдоподобны* — их надо исследовать или просто игнорировать. В одном из обзоров проблемы детских домов (2002 г.) сказано, например: «По данным Детского фонда ООН ЮНИСЕФ, всего в мире насчитывается около 100 млн брошенных детей, причем *каждый двенадцатый* — из России».

Утверждение, что в 2002 г. в России насчитывалось более 8 млн *брошенных детей*, абсолютно неправдоподобно. Авторы обзора, исследующие данную проблему, не должны были верить в это утверждение, они вставили его в текст механически, не подумав.

Вернемся к дипломной работе, о которой шла речь в п. 1 и в которой сказано, что главное в «современном политическом процессе — демократизация, медиатизация и деидеологизация». Этот вывод опирается на труды двух политологов. О них сказано: «Однако стоит отметить, что в условиях современных реалий модель демократизации России несколько отличается от вышеуказанных характеристик “классической” демократии. Данная модель была описана российским политологом В. Гельманом...

Похожая модель демократизации России была описана в работе Фариды Закарии... Фарид Закария утверждает, что если Россия продолжит развиваться по “своему пути”, постепенно приближаясь к выборной автократии, где свободы, гарантированные в теории, будут все чаще нарушаться на практике, а коррупция будет превалировать во всей политико-экономической системе, то страна вполне может остаться демократической, но нелиберальной. Данная тенденция связана с тем, что Россия не делает упор на хозяйственное развитие и построение эффективных политических институтов.

Таким образом, по итогу обзора двух наиболее реалистичных, на мой взгляд, моделей демократизации России можно сделать вывод...» и т. д.

Но какова реально концепция В. Гельмана? Что именно берет дипломник-политолог из «наиболее реалистичной на его взгляд моделей демократизации России»? Ведь В. Гельман выступает в основном как идеолог, а не аналитик, нельзя же это игнорировать. Вот, 24 марта 2015 г. В. Гельман опубликовал в связи с юбилеем Победы статью, где сказано: «В преддверии юбилея окончания Второй мировой войны все громче звучит пластинка, заведенная российским официозом: “нельзя допустить пересмотра итогов”, не дадим опорочить “великий подвиг советского народа” etc. Между тем за пределами России итоги WWII по факту уже пересмотрены... Фактический знак равенства между СССР, нацистской Германией и сегодняшней Россией... Профессиональные историки, да и обычные граждане-неспециалисты могут долго дискутировать, насколько такая интерпретация итогов WWII является справедливой и адекватной... Но нравится это кому-то или нет, нельзя не обращать внимания на то, что главной причиной пересмотра итогов WWII является сегодняшняя внешняя политика России»⁴.

Но это — категоричное отрицание «сегодняшней внешней политики России», а вовсе не «реалистичная модель демократизации России». Автор дипломной работы должен был разобрать эту концепцию, раз уж он сделал такой выбор.

То же самое можно сказать о Фариде Закарии. Его утверждение, что если Россия будет «развиваться по “своему пути”, то станет демократической, но не либеральной», не имеет никакой познавательной ценности — это экстравагантная фраза журналиста. Сомнительно, что автор, цитирующий Закарию, смог

⁴ <http://trv-science.ru/2015/03/24/itogi-wwii-uzhe-peresmotreny/>.

бы внятно объяснить туманную мысль, будто «Россия не делает упор на хозяйственное развитие». Зачем же называть это «наиболее реалистичной моделью демократизации России»?

Российской реальности Закария не знает, к России недоброжелателен. Он с апломбом делает ей выговор за войну в Чечне, так что даже его сторонник возмутился: «Закария был ключевым “либералом” из группы поддержки войны в Ираке... Вот в чем невменяемость американских комментариев по поводу России: даже те, у кого нет никаких оснований для того, чтобы выступать против борьбы другой страны с терроризмом, могут для обоснования своей точки зрения полностью исказить исторические события»⁵.

Россию и Китай он считает угрозой для международного сообщества — от него нельзя ждать беспристрастного научного подхода к нашим проблемам. Вот ссылка на его выступление в Washington Post: «Китайская Народная Республика с ее двенадцатью процентами мирового внутреннего валового продукта представляет в сравнении с Российской Федерацией еще большую опасность для международного сообщества, утверждает 18 ноября [2014] журналист и колумнист в американском издании Washington Post Фарид Закария»⁶.

Почему так сильна тяга к модным персонам, вместо того, чтобы разобраться какую-то проблему России, исходя из доступных эмпирических данных и собственных суждений относительно альтернативных концепций отечественных политиков и ученых?

4. *Ошибки, вызванные включением в текст утверждения из документов, явно выполняющих идеологические функции, без критической проверки.* Во время перестройки и реформ 1990-х гг. использовать такие документы, как достоверные источники, было нельзя с очевидностью, они на это и не претендовали. Однако инерция очень велика, так что и сейчас, рассуждая о СМИ, авторы принимают многие утверждения подобного типа за надежную информацию. Ее следует проверять по другим источникам или оговаривать, что речь идет о *мнении* такой-то группы политиков, предпринимателей и др.

Вот пример. Когда в начале 1990-х гг. вновь обострилась кампания против советской атомной программы, часто поминали Семипалатинский полигон. В журнале РАН «Человек» (1993, № 4) были приведены данные о заболеваемости жителей Алтайского края как аргумент, показывающий опасность испытаний ядерного оружия: «С 1980 по 1990 г. заболеваемость злокачественными новообразованиями возросла в этом крае с 276 до 286 случаев на 100 тыс. населения».

Здесь мы не обсуждаем степень опасности испытаний, говорим лишь об *аргументе*. В зоне испытаний прирост заболеваемости онкологическими болезнями составил за 10 лет ровно 10 случаев на 100 тыс. человек. Что это значит, много это или мало? Чтобы можно было установить связь между ядерными испытаниями и заболеваниями, нужно было как минимум привести данные о динамике

⁵ Хис Дж. Фарид Закария ничего не знает о Чечне // <http://inosmi.ru/politic/20110128/166055058.html/>.

⁶ <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008235117.html/>.

заболеваемости в тех областях, где население *не подверглось* воздействию облучения при подобных испытаниях. Это элементарное правило логики.

Сделать это было нетрудно. Согласно данным статистики, за те же десять лет 1980–1990 гг. прирост числа заболевших злокачественными новообразованиями по России в целом составил 33 случая на 100 тыс. человек! Если следовать логике авторов журнала, надо сделать вывод, что ядерные испытания — эффективные средства против онкологических заболеваний.

В действительности цифры, приведенные авторами журнала, ***ни о чем не говорят*** — слишком много факторов влияет на заболеваемость. Но читатель воспринимает сообщение *в идеологическом контексте* — а политологам профессиональные нормы не позволяют поддаваться воздействию этого контекста.

Еще более нелепые сообщения делали СМИ после аварии на Чернобыльской АЭС. В журнале РАН СОЦИС (со ссылкой на газету «Московский комсомолец»!) писали: «В обычных условиях рак щитовидной железы у детей бывает крайне редко. Однако в областях, наиболее пострадавших после Чернобыля, число детей с этим заболеванием возросло: на Украине — в 50 раз, в Белоруссии, особенно в Гомельской области — в 40 раз»⁷.

При этом достоверные сводки о мониторинге здоровья населения после Чернобыльской катастрофы печатались в том же журнале СОЦИС авторами из *того же* института РАН! В одной из статей, в частности, говорится об «оценке состояния здоровья населения, проживающего в зоне бедствия, данной международной группой экспертов в 1990 г.»: «В группу входили 200 экспертов из 25 стран и семи международных организаций. Участники тесно сотрудничали с государственными, научными и другими организациями бывшего Союза... Особое внимание было уделено выявлению возможных патологических изменений щитовидной железы в результате воздействия радиоактивного йода. По результатам обследований, как отмечается в опубликованном докладе, не обнаружено статистически значимых различий в щитовидной железе детей 2–10 лет в загрязненных и контрольных населенных пунктах»⁸.

И в западной, и в российской прессе до сих пор проходят сообщения, согласно которым в результате воздействия радиации после катастрофы Чернобыльской АЭС погибло 300 тыс. человек. При этом умалчивается, что это — *расчеты*, сделанные исходя из «линейной» модели воздействия радиации (другая модель — «пороговая»). Проверить эти модели невозможно. Их проверка требовала ответить на вопрос: *действительно ли увеличение радиации на 150 миллирентген увеличивает число мутаций у мышей на 0,5%*? (такой рост числа мутаций считают заметным воздействием на организм). Для получения надежных экспериментальных данных, чтобы ответить на вопрос, требуется 8 миллиардов мышей. Значит, экспериментальный выбор моделей невозможен. Как пишет социолог науки М. Малкей (США), «именно в осуществлении выборов между подобными альтернативами политические установки ученых и давление со стороны политического окружения используются наиболее явно».

⁷ Морозова Г.Ф. Здоровье человека в свете экологии // СОЦИС. 1994. № 11.

⁸ Рыбаковский Л.Л. Демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС // СОЦИС. 1992. № 9.

Значит, вместо моделирования надо *наблюдать за реальным процессом*. Реальные данные постоянно публиковались в специальной литературе, но политический интерес не пускал их в широкие СМИ, для приличия давались редкие незаметные сообщения. Вот сообщение «Независимой газете» (26.04.2001):

«В 2000 году в Вене состоялась 49-я сессия Научного комитета по действию атомной радиации ООН (НКДАР ООН). ... Одним из наиболее значимых документов, подготовленных к 49-й сессии НКДАР ООН, стал отчет “Уровни облучения и последствия чернобыльской аварии”. Сегодня, в день 15-летней годовщины чернобыльской аварии, прокомментировать этот документ, а также ответить на несколько вопросов об основных уроках Чернобыля корреспондент “НГ” попросил руководителя российской делегации на сессии НКДАР ООН, члена Главного комитета Международной комиссии по радиационной защите (МКРЗ), директора Государственного научного центра “Институт биофизики”, академика РАМН Леонида Ильина.

— Леонид Андреевич, какие же основные выводы содержатся в отчете НКДАР ООН?

— В нем сделаны два основополагающих вывода. Первый вывод гласит, что ни одного случая острой лучевой болезни среди ликвидаторов, то есть тех людей, которые участвовали в ликвидации последствий аварии в течение первых двух лет (1986–1987 годов), и населения, проживающего в так называемой чернобыльской зоне, зафиксировано не было. По оценкам специалистов Института биофизики, общее число задействованных в тот период на Чернобыльской АЭС людей составляло около 227 тысяч человек, из них примерно половина — военнослужащие...

Повторяю, что среди этих людей, по всем официальным и научным данным, ни одного случая острой лучевой болезни и хронической лучевой болезни зафиксировано не было. Это принципиально важный результат, полученный на основании крупномасштабных исследований здоровья чернобыльцев в России, на Украине и в Белоруссии... Эти данные получены путем тщательного изучения всех случаев заболевания и смертности.

Таким образом, можно утверждать, что до настоящего времени не зафиксировано увеличения общей заболеваемости злокачественными опухолями или смертности, которые можно было бы отнести за счет действия радиационного облучения. Среди ликвидаторов и детей не наблюдалось значительного роста риска заболевания лейкемией — одного из наиболее чувствительных показателей облучения»⁹.

Но на «средства массовой информации» этонисколько не повлияло. Также ни профессора, ни дипломники политологии этот феномен не исследуют. А надо бы...

5. В рассуждениях об интересах или ценностях авторы и СМИ опираются на ложные дилеммы. Очень часто это наблюдается в опросах общественного мнения, представленных СМИ.

⁹ Кузнецов А. Еще одна загадка Чернобыля // Независимая газета. 2001. 26 апреля.

Газета «Коммерсантъ» пишет в обзоре опроса «Левада-центра» на тему: что лучше — порядок или права человека. Вывод таков: «Порядок в государстве важнее, чем соблюдение прав человека, уверено 57% россиян. Противоположной точки зрения придерживается треть населения (33%)»¹⁰.

Можно подумать, что сотрудники «Левада-центра» и газеты с какой-то целью мистифицируют проблему. Очевидно, что *порядок в государстве* и *права человека* — несоизмеримые сущности. Это разные структуры жизнеустройства, *одинаково необходимые* для жизни и не существующие друг без друга. Задать такой вопрос — это все равно, что, надев маску социолога, добиваться у людей ответа: «Что для вас важнее, печень или почки?».

Этими вопросами внушают людям дикую мысль, что они стоят перед дилеммой «порядок — или права человека». Приняв любую сторону этой ложной дилеммы, человек должен возненавидеть государство, которое его ставит перед таким выбором. Но в действительности не существует такой дилеммы! Нет на свете государств, которые бы не устанавливали порядка и не соблюдали прав человека, предусмотренных этим порядком.

И «порядок в государстве», и «права человека» — большие системы. К подавляющему большинству элементов этих систем люди привыкли и их не замечают. Поэтому они и клюют на такие вопросы. Граждане понимают их так: какие изъяны этих систем в данный момент сильнее ухудшают условия их жизни? При таком понимании и места для ложной дилеммы нет. Разные группы граждан по-разному страдают от изъянов порядка и от нарушения прав человека. У 57% именно дефекты в поддержании государством порядка сейчас более болезненны, нежели ущемление каких-то прав, но это не позволяет сделать вывод, будто они вообще считают «порядок важнее прав». Этот вывод — подлог, который говорит о кризисе сообщества социологов и журналистов.

В том обзоре сказано: «Почти половина граждан (46%) не стали бы отказываться от свободы слова и выезда за границу, даже если бы государство гарантировало им “нормальную зарплату и приличную пенсию”».

Это абсурдная дилемма. Как «социологи» представляют себе эту фантастическую сделку? Выступает по радио президент и говорит: «Всем, кто откажется от свободы слова и не высунет носа из России, я гарантирую большую прибавку к зарплате или пенсии! Посылайте заявления прямо в Кремль?»

Еще круче другой вывод: «Почти столько же — 43% — “согласны” и “скорее согласны” на введение в стране цензуры и железного занавеса ради достойного заработка и пенсии». Похоже, что это тест на простодушие. Ну кто в здравом уме будет требовать «достойного заработка» на основании того, что в стране ввели цензуру?

Газета сообщает: «Замдиректора “Левада-центра” Алексей Гражданкин объяснил, что для населения главное — чтобы “исполнялся социальный договор с государством”. “Власть не дает прав и свобод, но взамен обеспечивает спокойную жизнь”, — говорит он».

¹⁰ Горяшко С., Иванов М. Опрос расставил все по порядку. Социология // Коммерсантъ. 2013. 27 июля.

То ли это серьезно, то ли нас дурачат? Что за «социальный договор с государством», исполнение которого население считает для себя главным в жизни? Какие демоны витают в растревоженном мозгу замдиректора? Каких прав и свобод не дает власть, благодаря чему жизнь населения становится спокойной?

Вот еще замечание газеты: «Господин Гражданкин уверен, что россияне выбирают порядок в стране, потому что у большинства “никаких свобод никогда и не было — они выросли в эпоху Советского Союза”».

Вот таких социологов воспитал Ю.А. Левада: «никаких свобод в СССР никогда и не было» (это умозаключение типа «секса тоже не было»).

Но все упомянутые здесь типичные дефекты текстов — это первое приближение к проблеме. Менее очевидные, но более фундаментальные ошибки лежат в основе политических решений, которые надолго выбили нас из колеи.

Список используемых источников

1. *Горяшко С., Иванов М.* Опрос расставил все по порядку. Социология // Коммерсантъ. 2013. 27 июля.
2. *Кузнецов А.* Еще одна загадка Чернобыля // Независимая газета. 2001. 26 апреля.
3. *Морозова Г.Ф.* Здоровье человека в свете экологии // СОЦИС. 1994. № 11.
4. *Рыбаковский Л.Л.* Демографические последствия аварии на Чернобыльской АЭС // СОЦИС. 1992. № 9.
5. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. 2003. № 3.
6. *Симонян Р.Х.* Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества // СОЦИС. 2012. № 1.
7. *Хис Дж.* Фарид Закария ничего не знает о Чечне // <http://inosmi.ru/politic/20110128/166055058.html/>.
8. <http://trv-science.ru/2015/03/24/itogi-wwii-uzhe-peresmotreny/>.
9. <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/smi/entry1008235117.html/>.